

«И сердца я не прятал своего...»

Человечество — это красиво, и ему предстоит расцвести...

Владимир ЧУРИЛИН

Два года назад ушел от нас после продолжительной болезни прекрасный поэт, наш земляк Владимир Чурилин. Он служил в морской пехоте на Дальнем Востоке, работал на ММК, в газете «Магнитогорский металл», публиковался в местных и центральных газетах и журналах, альманахах и коллективных сборниках. Друзья и коллеги запомнили его как человека незаурядного, высокого дарования и большой работоспособности. Сейчас готовится к изданию книга его стихов.

Не про вас

С мечом в руке встречаю вражью рать.
В глазах —
Клинок кровавое сверканье,
Громадный мир, заполненный страданьем...
И мне не страшно нынче умирать.
Я не нашел ни друга, ни жены,
Не потерял ни близких, ни далеких.
На смертный бой я вышел одиноким,
Откинув прочь ненужные ножны.
Нет, я не вождь.
Я не был на виду.
Мне перед смертью нечем похвалиться,
Но раз мне русским выпало родиться,
Я в эту землю русским и уйду.
Пусть мои поступки — не про вас,
Пусть мои дела порой нелепы...
Я рад, что ни куска чужого хлеба
В дни голода не прятал про запас.
И сердца я не прятал своего,
Открытого бесчисленным недугам,
Истерзанного временем,
Как плугом...
Я все же не слушался его.

Сидели фронтовик и фронтовичка...
Как хмуро усмехнулся фронтовик,
Когда она ладошкой привычно
На лоб себе нагнула парик,
Как прыснули смехом молокососы,
Не знавшие воочию войны...
Жизнь заново поставила вопросы,
Которые, увы, не решены.
Что снится этим женщинам —
Курящим,
Немногоим
Из оставшихся в живых,
Немодным,
Некрасивым,
Настоящим,
Скорбящим о судьбе детей своих?
Не слишком ли мы выглядим спесиво
В уверенной красноте своей?
Такою ли им грезилась Россия?
Таких ли ожидали сыновей?..
Не знавшие ни голода, ни крови,
Мы встали у станков и на леса...
Вновь женщина нагнула на брови
Парик, как будто каску на глаза.

Чужбина

Березы стоят у моста —
Мне это знакомо до боли,
Но это — не наши места,
Но это — не русское поле.
Бушует февральский мороз,
Снег выпал сверкающей пробы —
Мне это знакомо до слез,
Но это — не наши сугробы...
Иду по знакомой земле,
Знакомые лица встречаю.
Но чайник стоит на столе
С чужим отвратительным чаем.
Приходит чужая весна,
Чужое горячее лето.
Какая чужая страна...
Какая родная планета!

Хлеб

Коровы, не привыкшие к ярму,
упрямились и борозду ломали.
И резал плуг неровную кайму
вдоль поля между хмурыми холмами.
И налегала женщина на плуг

из всех еще оставшихся силенок...
За кругом — круг...
И снова тяжкий круг...
Не отвести с лица волос соленых.
В глазах плывут горячие круги,
и под глазами вышли полукружья,
и тяжелы последние шаги,
шершавы руки, поступь неуклюжая.
За кругом — круг...
Земля везде кругла,
и женщины повсюду — как в России,
но то, что эта вынести смогла —
для мужика — и то невыносимо.
Пусть где-то были близкие враги,
и всполохи, и схватки боевые...
Но здесь — родились хлебные круги —
Отчизны нашей кольца годовые.

У древнего города Курска,
В суглинок вознав каблучки,
Всерьез матерились по-русски
Союзных племен штрафники.
Галдели тревожно и хмуро,
Поняв, что большая война
Оставила им амбразуры,
Отняв за грехи ордена.
И были суровые лица
Сегодня суровы вдвойне...
Взглядитесь:
За ними — столица!
И правда — на их стороне!
Впервые,
Сегодня,
Навеки!
И каждый из сотен бойцов
Себя ощутил человеком
С обугленным смертью лицом.
И каждый с судьбою смирился,
Взглядевшись в далекий редут.
И ротный, со шпалой в петлице,
Вздыхнул облегченно:
— Пойдут.
Пойдут!
И умрут, и поникнут,
Успев напоследок решить,
Что нынче сумеют погубить.
Но завтра — не смозут прожить.

Покрашенные оградки,
Расправленные венки...
Здесь холмики —
Словно грядки,
Разбитые на рядки.
Здесь тетка моя родная
Сказала:
— Смотри, племяш.
Здесь — Гуровы,
Здесь — не знаю...
А этот вот угол — наш.
Здесь наши с тобою предки.
Уйми городскую спесь,
Ведь мы с тобой — только ветки,
А все наши корни — здесь.
Попросит ли враг свирепо,
Протянет ли друг ладонь,
Ты вправе делиться хлебом,
Но этой земли не тронь...
В маситабах родной планеты,
В пределах чужой земли
Я буду блуждать по свету,
Порой исчезать вдали.
Но где бы я ни был после,
Я вечно пребуду тут —
На этом простом погосте,
Где нас наши предки ждут,
Где тетка в платке печально
Стоит, словно вечный страж.

Здесь — немцы...
Там — англичане...
А этот вот угол — наш.

Берлинский вокзал

Бился по ветру красный доскут,
Провожали и дальних, и близких...
Эшелон уходил под Москву,
А вокзал называли Берлинским.
Видно, вера в победу жила
И дорога казалась недлинной:
Из России, сожженной дотла,
Обещали дойти до Берлина.
И дошли, и распили вино
За победу под знаменем алым...
С той поры позабыли давно
Даже место, где церковь стояла.
Было столько с тех пор перемен,
Пролетели такие метели:
Фотографии сняли со стен,
В сундуках похоронки истребили,
Отшумел на ветру краснотал,
Поднялись над землей обелиски...
Но в народе уральский вокзал,
Как тогда, называют Берлинским.

Солдат

День поставил его над собой,
В облака устремив пьедесталы.
Он стоит, как Победа, большой,
Неподкупный,
Живой
И усталый.
Он шагал сквозь кровавый туман,
Чтобы мир стал прозрачным и синим.
Он прошел через множество стран
И стоит в середине России.
Мертвый камень тепла не хранит,
Но заметили люди когда-то,
Что темнеет на солнце гранит —
Словно слезы текут у солдата.
Гений скульптора в том виноват
Или камни подобраны хитро...
Только плачет советский солдат,
Всем ветрам и народам открытый.
Был солдат этот крепок и смел,
И мольбами врачей не тревожил.
Он при жизни заплакать не смел,
После смерти — заплакал
И ожил.

В русском поле — трава незнакомая,
С виду — ягодник, только не он.
Неизвестные мне насекомые
С четырех налетели сторон:
Облепили, изъели, изжалили,
Поубавили крови на треть.
Стали веки тюремными жалюзи,
Сквозь которые тяжело смотреть.
И смотреть-то особенно некуда,
Разве только на эту траву,
Но глаза полыхают над веками,
И смотрю, потому что живу.
А повсюду трава незнакомая,
Отвсюду, куда ни взгляни,
Налетают на Русь насекомые...
Боже мой, если б только они.

Бычья шея, растянутый ворот...
Рыжим волосом блещет рука.
Перед ним —
как поверженный враг —
Необъятная туша быка.
Посреди всенародной толкучки
Проросли в рукоять топора
Не какие-нибудь недоучки,
А доценты и профессора.
С жутким хрустом,
с размашистой силой
Рубят мясо сви мясники,
И над всей необъятной Россией,

Как осколки, свистят позвонки.
Только краем заденет — и насмерть...
Враз забудешь, кем был до сих пор...
Что для них самобранная скатерть? —
Им сподручней мясницкий топор.
Погляди — у соседского Мишки,
Что оставил работу в порту,
Прорастают мясные излишки
Золотыми зубами во рту.
От всего отрекаюсь, Россия!
Мне утратить — тебе обрести.
Человечество — это красиво,
И ему предстоит расцвести.
Мир не может вернуться к руинам,
И ему наблюдать не с руки,
Как из сильной его половины
Все растут и растут мясники.

Если где-то, уйдя в кабинет,
Все раздав и не требуя сдачи,
Вдруг заплячет великий поэт...
Содрогнитесь — поэты не плачут.
Безответно и мудро любя,
Он все беды и горечи мира
Красной нитью провел сквозь себя,
Остальным их наметив пунктиром.
Что же делать: затем и живем,
Чтобы людям беду обозначить.
Мало строчку наметить пером,
Надо, чтобы увидели — плачет.
Плачет тот, кто стесняется слез,
Кто работал всю жизнь, как собака,
Обрекая себя на износ,
Чтобы даже ребенок не плакал.
Чтобы мир изумленно притих
И увидел беду на пороге...
Ведь поэт отвернулся от них.
Да, он плачет
За всех
Перед богом.

Все нам по фигу стало и побоку,
Мы живем от вражды до вражды...
На Россию спускается облако
И несет грозные дожди.

Переулками ходим безлюдными,
Не даем и не просим взаиммы,
Наши дети становятся трудными,
Потому что не трудимся мы.

Потому что становимся лишними
В этой жуткой стране неумех...
Пусть гроза пронесется над вишнями,
Лепестки осыпая, как снег.

На Руси ничего не изменится —
Предвещаю печальный исход.
И напрасно сражается с мельницей
Безаветный чудак Дон Кихот.

Все застыло...
В доме и в саду...
Перерыто все, перекурочено.
Слишком долго к смерти я иду,
Слишком долго, страшно и... настойчиво.
Забываюсь водочкой одной,

Только ей — сердечной да неласковой.
Забываюсь вместе со страной,
Ублаженной бреднями да сказками.
...Всюду грязь: и в доме, и вокруг...
В сердце угнездилась боль безмерная:
У меня остался только друг,
Да и тот погиб уже, наверно.

